

«Древо жизни» усыхает

Беседа корреспондента «МН» с Эрнстом НЕИЗВЕСТНЫМ.

Много и давно говорится о вашей идее скульптуры «Древо жизни» в Москве. Как реализуется этот проект?

— Вы знаете, это очень сложная проблема для меня сейчас. Дело в том, что тридцать лет этот замысел меня преследует. И тридцать лет тому назад это уже было приурочено к 2000 году. Но те заготовки и та работа, которая велась здесь, к сожалению, перед отъездом была разрушена в моей мастерской какими-то хулиганами. 250 работ. Это все «Древо жизни». Разбито молотками.

— Это перед вашим отъездом из России в 1976 году?

— Да. Гипсы были разбиты, а часть бронзы просто украдена. Но Бог с ними. В Америке мне пришлось начать эту работу сначала и продолжить. Потеря работ для меня была, конечно, трагедией. А с другой стороны, по каким-то там судьбоносным причинам это оказалось лучше. Потому что я не был в плену прошлого. Это как потерял рукопись и снова написал роман. Десять лет я работаю над той моделью, которая сейчас стоит у меня в моей студии, в моем доме на острове. Эта работа не закончена. Мэр Лужков и его окружение, и совет при мэрии градостроительный единогласно одобрили эту работу, чтобы поставить перед мэрией, рядом с бывшим зданием СЭВа. Для меня это было очень приятно, что мэр, главный архитектор выбрали именно это место, потому что в свое время Посохин хотел поставить именно на этом месте мою скульптуру. Так вот эта работа не то утопическое сооружение, о котором я мечтал: 150 — 120 метров, здание-скульптура. Сейчас я считаю, что все к лучшему. Это когда-то я был дитя великой утопии — строительство голубых городов, как ученик Татлина я этим утопическим сознанием был одержим. Я хотел, чтобы в моем сооружении находилась ООН, а сейчас моя маленькая модель находится в здании ООН — это справедливо. Нынешняя работа семи метров уже есть в гипсе. А ведь первый вариант я бы не мог лепить своими руками, это было бы нечто похожее на Диснейленд, то есть я бы был по существу режиссером огромного коллектива, и это не было бы рукотворным, как сейчас скульптура с сотнями, почти под тысячу фигур.

— Вы чувствуете ее как соразмерную усилиям одного человека?

— Это все мной сделано рукотворно. В принципе я всегда так работал. Я каменщик, я литейщик, я даже отливал свои скульптуры собственными руками... Сейчас эта работа сделана ювелирно, каждая фигура выделана детально, причем моей собственной рукой, практически у меня был один помощник, который просто технически мне помогал. Эта работа — сочетание элементов соборности, которые должны быть в монументальной скульптуре, и вместе с тем литургичности личного отношения.

— Но ведь вы же уже не успеваете к рубежу 2000 года — дате, о которой мечтали.

— Это для меня очень большая проблема, потому что я до сих пор не знаю, что в действительности происходит. Мэр дал мне свое личное слово: будет стоять... Мне ведь предложили в трех других точках мира, даже Кирсан Илюмжинов был готов поставить в Елисте. Я отмахнулся, нелепо. Так жизнь сложилась: я до 50 лет здесь дожил, и когда я закрываю глаза, то я не вижу скульптуру нигде, кроме Москвы.

— Но позже 2000 года...

— Зная российскую действительность, я уверен, что здесь могут подналечь и сделать то, что на Западе делается годами. Здесь могут не спать ночами, могут пить пять дней в неделю, а потом два-три дня работать без сна. И это возможно. Кроме того, мощности и культура литья бронзы здесь несколько не хуже, а в чем-то даже и лучше. Проблема связана с Америкой.

— То есть вы должны привезти формы из Америки, а здесь будет отливка?

— Да. Поэтому я договорился с определенным коллективом, лучшим, как я думаю, в Америке, что вот-вот начнем работать. Все находится в моем доме. Завесил весь его пластиком, просто жизни нет, потому что живем в пластике, кухня им закрыта. И я все время ждал. Кроме того, американцы не могут проставлять, они требуют аванса, чтобы быть уверенными, что будет заказ.

— Сложные времена. Может быть, у Москвы просто нет денег сейчас.

— Это не так. Потому что в принципе это небольшие деньги. Я знаю, как идет в Москве строительство, сколько на него тратится. Это просто ничего! Я не думаю, что вопрос в деньгах.

— Тогда, может быть, конкуренция?

— Я еще не знаю, в чем вопрос, потому что у меня нет никакого официального уведомления. Больше того, я звонил не так давно Лужкову лично и сказал ему даже о том, что внес аванс, он меня поблагодарил и заверил, что все будет в порядке. У меня нет официального основания, кроме сплетен и слухов, чтобы я мог сказать, что кто-то разрушил этот проект. Нет основания. Но время бежит.

— Многие в выборе «хлеба и зрелищ» сегодня выбирают «хлеб». Люди думают: настало сложное время, и, может быть, можно обойтись без скульптур, без картин.

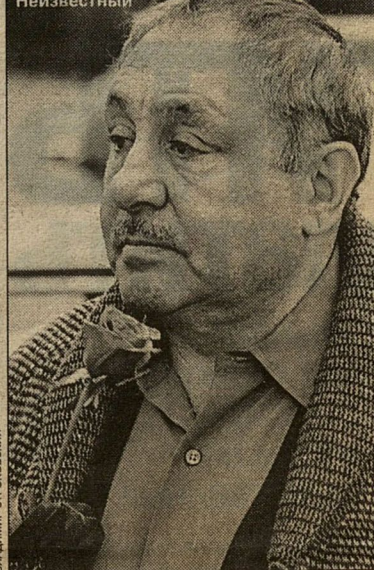
— Есть такая точка зрения. Она абсолютно поверхностна и не культурна. Во-первых, это нардофобия. Мысль о том, что, когда трудно, народ будет против искусства. Это неправда. Я прошел войну, я знаю трудности. Я знаю, что именно в эти времена как раз нужны песни и нужно искусство. Можно спорить, какое, но нужно. Собственно, вся история человечества говорит об обратном. Прошу прощения, но эпоха Возрождения — трудные времена... Или почитайте Бенвенуто Челлини, когда он делал чаши и одновременно отстреливался из окна. Это же ерунда!

— Нравится или не нравится это нам с вами, но такие настроения существуют.

— Это настроение не народное, это настроение бюрократическое, причем я сказал «нардофобия» — это презрение к народу. Народу этого не надо. Я работал в Магадане, и мне предсказывали поражение, но весь город снялся и пошел к моему монументу, и правительственная делегация, которая ехала, как на похороны, когда возвращались, спросила: «Откуда ты знал, что это произойдет?» Я ответил: «Художники знают». А «Древо жизни» — это библейская тема, это тема древа древнезаветного, новозаветного, потому что вот сердце и древо, и крест — это синонимы. Кроме того, древо жизни присутствует во всех сказаниях, во всей поэтике мировых культур. И это — основополагающий символ трех основных религий. Мне кажется, что именно древо жизни сейчас как объединяющий символ, как символ жизни в конце этого века необходимо. Есть же интуиция художника. Вы понимаете? Я глубоко убежден, что это необходимо не столько мне...

— С другой стороны, есть попытка угодить народу, сделать искусство

Эрнст
Неизвестный

псевдонародным, от этого появляются всякие зверушки на центральных площадях, сказочные персонажи, может быть, этот путь правильный?

— Я могу только говорить о своем опыте. Вот я был литейщиком, учеником литейщика, потом литейщиком на вагоностроительном заводе, он называется «Металлист» в Свердловске. В ночную смену я делал свои скульптуры. Рабочие не понимали, что я делаю, потому что я выдавливал прямо в земле кресты... Так делались римские медали. Рабочие говорили: что ты тратишь металл, ночами не спишь? И я им объяснил, как людям, знающим металл: «Ребята, красота вот в чем: когда лется эта расплавленная масса, она стремится заполнить пространство, и там есть свои законы. И это создает мою эстетику в этих крестах. Представьте, из Везувия лава течет, вы понимаете, как она потечет?». Они настолько это поняли, что стали мне давать ценные указания, спорить и бесплатно же помогали чеканить. Это простые люди, никогда не соприкасающиеся с проблемой искусства. Самым моим главным врагом был директор клуба. Почему? У него был вкус. Кстати, у него по тем временам был неплохой вкус, он любил Грабаря, постимпрессионистов, но он на этом остановился. Нет у меня нардофобии. Я совершенно четко уверен, что мое «Древо жизни», как и мой магаданский мемориал (там выпивают, там скорбят по павшим и не остается ни одной соринки на том месте, где они пьют, — такое уважение), нужны людям. Я абсолютно не принадлежу к тем субтильным людям, которые боготворят народ. Я знаю недостатки народа, они есть и мои недостатки, они недостатки человека вообще. Но в действительности народ, не как отдельный персонаж истории, а в целом, все воспринимает.

Беседу вел Павел АПРЕЛЕВ

Неизвестный Эрнст

20.4.99.